

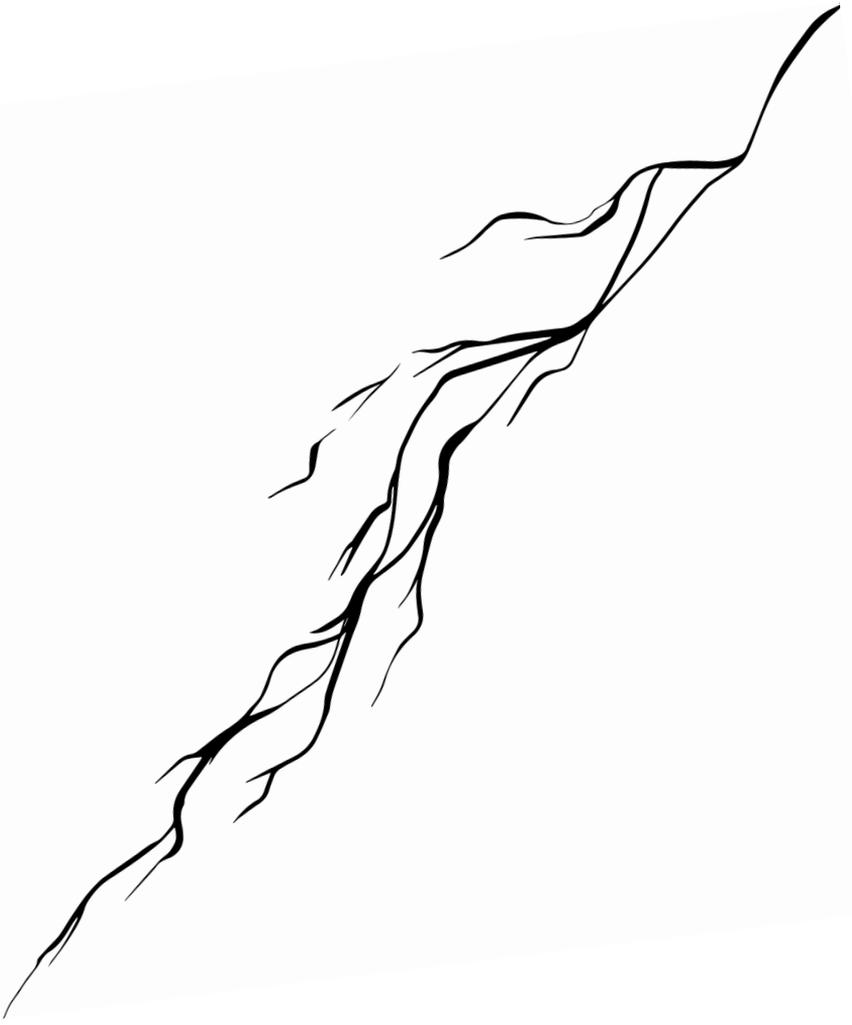
Вступительное слово

Перед вами дебютная книга победительницы издательской программы арт-кластера «Таврида» Татьяны Млынчик. Таня – выпускница факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, живет и работает в Санкт-Петербурге. Журналистика и проза занимают большое место в ее жизни, она пишет с подросткового возраста. В 2020 году Татьяна впервые приехала на форум молодых деятелей культуры и искусств «Таврида», представив там свой роман «Ловля молний на живца». Он был высоко отмечен ведущими российскими писателями и редакторами. И неслучайно.

В романе исследуется тема взросления нынешнего поколения тридцатилетних, честно и без прикрас. Вместе с разгадыванием тайны возникновения собственной сверхсилы главная героиня Маша Дебре раскрывает историю своего происхождения и свой потенциал: уникальную ситуацию, сформировавшую людей, рожденных в конце 1980-х, которые продолжают искать свою идентичность и сегодня, а когда были подростками – экспериментировали, меняли маски, безуспешно разрушали себя, цеплялись за субкультуры и собственные стереотипы.

«Ловля молний на живца» – один из самых ярких дебютных романов этого года. Мощный, как разряд электричества, бьющий и попадающий точно в цель. В наши сердца.

*Алёна Ракитина,
эксперт по направлению «литература»
арт-кластера «Таврида»*

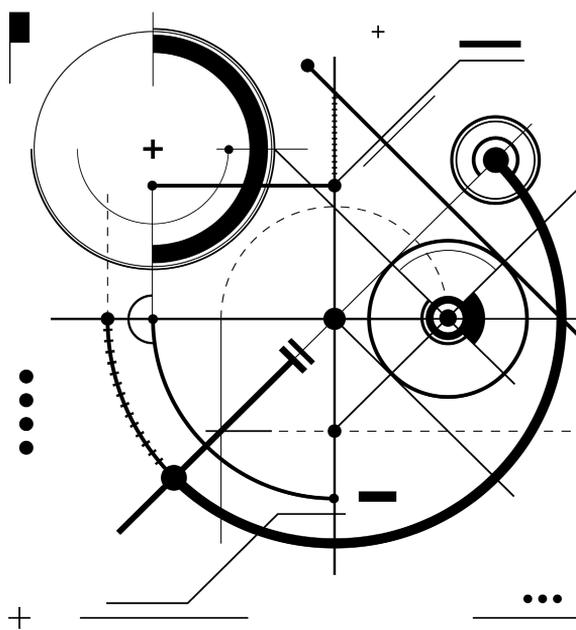

*Моим бабушкам, Зинаиде Ливановой
и Стефаниде Млынчик*

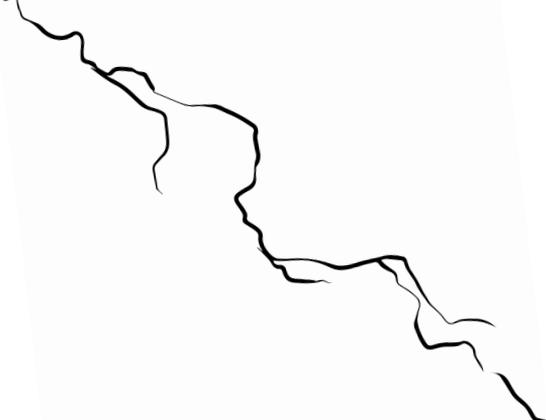

Задача 1

ПРЫГАЙ СО СЦЕНЫ

— Тебя прямо ими и задушить? — Мама держала в руках пару черных колготок, висевших, словно грустные заячьи уши.

Эти плотные колготки в катышках были поддеты для тепла под Машины джинсы сегодня утром, когда она уходила в школу. Теперь она вошла домой, едва успела стянуть с ног большие синие кеды и прошлепать мокрыми носками на кухню глотнуть сока (голова трещала от утренней водки), как оказалась в отеческом чистилище.

— Мы были в школе. — Мама брезгливо кинула колготки на стол. Одна нога угодила в папину пепельницу. — Нам выдали шмотки, которые принесла и сложила директору на стол мама некоего Влада. Твои шмотки, Маша! Говорят, вы устроили у них дома притон. Опять носишь эту дрянь! — Мама царапнула пальцем по Машинному лицу и задела шарик в ее губе. Больно. Вынимать сережку было поздно.

Она стояла перед родителями и крутила в голове набор несусветных отмазок. Сказать, колготки не ее, начать орать в ответ, сказать, чужие колготки, Юлькины, сказать, дала свои вещи другой девочке... Лоб будто скребли изнутри ложкой, силясь собрать с черепа остатки мозгов. Она заговорила:

— Утром гуляли с ребятами на Дворцовой... Первые два урока отменили. Хлынул дождь. Влад предложил переждать у них на Миллионной.

Маша говорила отрывисто и смотрела на свои носки. Голубые разводы краски от кед на белой ткани походили на мамины акварельные упражнения. Она ждала, что мама прервет поток вранья своим криком, швырнет что-то на пол или в саму Машу, но этого не произошло. Все-таки им ничего не известно.

— Пока шли, я поскользнулась и грохнулась в лужу. Вымочила штаны. В комнате его сестренки сняла колготки, чтобы на батарее посушить. Мы музыку слушали. Мальчики решили выпить пива. А потом вернулась с работы мама Влада. Разоралась, что Влад прогуливает. И на нас с Ваней... Мы убежали в школу. Колготки остались там, дома.

Мама смотрела, не моргая. Папа хмуро пялился в ленту сигаретного дыма.

— Есть уверенность, что ты по-человечески готовишься к поступлению в политех? — вступил он наконец в разговор.

Маша молчала.

— Маша, это уже не девятый и не десятый, — сказала мама своим обычным голосом. — У тебя на этой неделе первая олимпиада. Другие сидят и пашут. А она шляется по чужим квартирам... Я ведь этого мальчика даже не знаю. Из какого он класса?

— Из «Б», — Маша взяла в руки ступку для специй и завозюкала по дну тяжелым пестиком, — мне реально не повезло. У Влада проблемы в школе... Не надо было с ними идти...

— Забирай колготки. — Мама указала подбородком в сторону пепельницы. — И вытащи эту фигню из губы.

Маша подобрала свою вещь и отправилась в комнату. Плотно затворила дверь и первым делом стянула мерзкую, напоминавшую о сегодняшнем грандиозном позоре одежду. Конечно, никакого падения в лужу не было. Утром Маша узнала, что у Шалтая, парня с Малой Садовой, на которого она запала пару месяцев назад, появилась телка. Это известие сразу пришибло ее, и захотелось выпить. Даже не захотелось, а понадобилось. Пошла к Владу. В пятикомнатной, недавно расселенной коммуналке на Миллионной улице, где всюду шел ремонт, началась злая тусовка с Ванечкой, распитием литра водки под музыку с компа, курением «Таволги» прямо в комнате.

Ванечка перекрикивал панк-рок:

— Дался тебе этот Шалтай? Никогда его не понимал. Мрачный черт. В пугае учится...

Ванечка был Машиним однокашником и, пожалуй, единственным близким другом. Когда бутылка «Охты» была раздавлена, возникла олигофреническая затея: «А давайте, чтобы протрезветь, примем холодный душ». Бессвязный бред. Разделись до нижнего белья: Маша — до трусов с лифчиком, Влад и Ванечка — просто до трусов, затем все залезли в старинную чугунную ванну. Тут-то в замке и заколупался ключ. Как ошпаренные выскочили из ванны и, оставляя за собой лужи, кинулись в комнату натягивать шмотки. В это время мама Влада вошла в квартиру и начала голосить. Ванечка никак не мог найти одежду и принялся открывать шкафы. В карусели пьяного безумия ему попала полка с одежкой младшей сестры Влада, и он стал хватать крошечные кофточка, шапочки, мама Влада выдирали их из его рук и несвойственно для взрослой тетки крыла ребят матом. Маша быстро оделась и вышмыгнула в прихожую. Ванечка нашел какие-то широкие штаны и первый попавшийся свитер, тоже выбежал,

они впрыгнули в кеды, Влад крикнул: «Сваливайте!», и они, схватив рюкзаки, скатились вниз по лестнице, мчались по Миллионной, а когда увидели, что погони нет, встали, закурили и побрели в школу. Очень хотелось пить.

В гардеробе Маша стянула куртку и увидела, что впопыхах напялила кофту задом наперед. Спряталась за вешалками и, пока переодевалась, несколько раз больно ударила током сама себя. Потом в столовой выпила три стакана компота подряд и отправилась на химию. Ее тошнило от водки, но к пятому уроку это прошло. О том, что мама Влада пришла в школу и рассказала обо всем увиденном завучу, который тут же вызвал Машиных и Ваничкиных родителей, она не подозревала. Сейчас хотелось забыть эту жуткую грязь. Чтобы не думать о том, какие выводы из пересказа сцены сделают учителя, Маша достала методички и принялась взаправду готовиться к олимпиаде. Хотя и было понятно, что по олимпиадам ей не поступить: это будет лишь репетиция. Скоро мама позвала ужинать.

Пока ели, папа рассказал о бестопливном генераторе Джона Серла, и Маша пообещала себе назавтра железно пойти на лекцию в политех. Тем более в расписании стояла лекция профессора Кьяницы. Маша обожала этого наглого мудреца с первого визита в Политех. Тогда миниатюрный человек в пушистом свитере вскочил в аудиторию, как мяч, и изобразил на доске знак вопроса.

— Думали, намалюю какой-нибудь хитрый график? — спросил он, обращаясь не столько к трем десяткам сидевших на трибунах удивленных абитуриентов, сколько к воздуху сводчатой старинной аудитории.

Ему не ответили.

— Или накатаю формул до потолка, как умница Уилл Хантинг, и объясню по ним устройство вселенной?

Видите это? — Он ткнул пальцем в белую пластиковую розетку под доской, а потом достал из-под волосатого свитера мобильник, взял со стола провод со штепселем и воткнул в сеть. — Каждый из вас делает так по два раза в сутки. Мы сидим на электрическом токе, как на героине!

Он вышел вперед и посмотрел на студентов, вцепившись кукольными ручонками в столешницу у себя за спиной.

— Думаете, его дали нам для этого? Чтобы заряжать погремушки, которые обращают нас в зомби? Нет? А для чего тогда? — Он откинул седую голову назад. — Может, чтобы казнить людей в тюрьмах, как у Ильфа и Петрова? Девушки скажут: бить злодеев электрошокером! Или, предположим, прикупить электрозабор для собаки на даче, чтобы не убежала? Или... реанимация, поддержание жизни в больнице, богоугодное дело, так ведь? Для этого? Есть версии? Стройка? Нет?!

Соседи Маши по партам ловили каждое его слово.

— Правда состоит в том, что ни я, а я здесь сорок лет, ни еще хоть один ученый в мире до сих пор так и не поняли, что же такое электричество! Зачем его спустили вниз. Я говорю «спустили», потому что его выдали нам как стопку белья в плацкарте. И разобраться, где у этого пододеяльника изнанка, какие клопы в нем прыгают, нам с вами предстоит в ближайшие пять лет. Смотрю на вас, зелень, и думаю: в их-то потоке и сидит тот, кто раскусит тайну, над которой мир бьется с тех времен, когда Никола Тесла сбрил свои усы.

Маша сразу примкнула к братии фанатов эксцентричного профессора. Он стал единственным привлекательным фактором будущей учебы, на которую с щепетильным энтузиазмом смотрели все вокруг, кроме самой Маши.

